

Беловинский Л.В. Русская гвардия в XVIII-XIX веках

// Вопросы истории. 1983. №9. С.94-105.

OCR, корректура: Бахурин Юрий (a.k.a. Sonnenmensch), e-mail: georgi21@inbox.ru

Гвардия как отборная часть войск возникла в глубокой древности. Она выступала преимущественно как личная охрана глав государств и опора их власти. В средние века, в новое и новейшее время в большинстве стран Западной Европы это были небольшие отряды, постоянно сопровождавшие монархов и выступавшие на театр боевых действий только в случае прибытия туда государя. Эти отряды нередко формировались из наемников-иностранцев, представлявших более надежными. Серьезной боевой роли такая гвардия играть не могла. Только с XVIII-XIX вв. во Франции и Германии гвардия становится крупным формированием и играет активную роль на полях сражений.

В России с XVI в. при царе состояла почетная охрана рынды, набираемая из отпрысков знатных семейств. Но численность ее была незначительной, и никакой боевой роли она не играла. Собственно же русская гвардия возникает на рубеже XVII-XVIII вв. в связи с преобразованиями Петра I и сразу получает характер отборных боевых частей, сформированных из русских людей.

Первыми гвардейскими полками в России стали «потешные» Преображенский и Семеновский. Сначала они не выделялись из состава армии. Так, в первом Азовском походе они входили в 3-й выборный солдатский полк А.Л. Головина{1}. Наименование «лейб-гвардия» (т. е. личная гвардия) впервые встречается в 1700 г. (по одним данным 30 мая, по другим 20 августа){2}. Преображенский и Семеновский полки именовались «сберегательные царские». Часть гвардейцев сопровождала царя в качестве личного конвоя. Например, при поездке в Архангельск в 1702 г. Петр I взял с собой три батальона преображенцев и два семеновцев {3}. В отсутствие царя часть гвардии оставалась в столице для ее охраны, что при наличии оппозиции петровским преобразованиям, заговоров и бунтов было оправдано.

Пользовавшиеся особым доверием царя, офицеры или даже солдаты гвардии нередко командировались для проведения следствия по злоупотреблениям, контроля над судопроизводством и контрактами. Так, в 1714 г. ввиду злоупотреблений местной администрации были командированы для расследования Преображенские офицеры, а председателем комиссии назначен командир батальона преображенцев. Розыск по делу инокини Елены (бывшей царицы Евдокии Лопухиной) вел капитан-поручик Преображенского полка. За царевичем Алексеем за границу ездил капитан преображенцев{4}. В 1721 г. солдат Семеновского полка был послан в Киевскую и Орловскую губернии «для понуждения губернаторов, вице-губернаторов, воевод, камергеров, комиссаров и прочих правителей в сборе всяких денежных сборов за 1719, 1720, 1721 и 1722 годы»{5}. Такие солдаты имели право прямой переписки с царем.

Но в первую очередь гвардия была ударным отрядом вооруженных сил. В ноябре 1700 г., уезжая от Нарвы в глубь России для организации сопротивления шведам, Петр I оставил Преображенский и Семеновский полки на театре боевых действий -94-. И они оправдали надежды: в то время как большая часть армии, деморализованная и покинутая командованием, бежала, на левом фланге несколько полков дивизии генерала А. Вейде, а на

правом преображенцы и семеновцы остались верны воинскому долгу. Огородившись телегами и рогатками, они отбивали натиск шведов, прикрывая отход своих соседей. Карл XII раз за разом бросал вперед отборные войска, воодушевляя их своим присутствием, но тщетно. Сражение прекратилось только с темнотой, и шведский король согласился на почетное отступление русской гвардии с оружием, барабанами и знаменами. Шведы даже починили для этого полуразрушенный мост через р. Нарву. В том сражении у семеновцев пала треть состава. Примечательно, что полк находился в бою под командованием младших офицеров, ибо штаб-офицеры были в командировке, а из двух оставшихся один погиб, другой изменил. За свой подвиг сражавшиеся офицеры обоих полков получили нагрудные знаки с надписью «19 ноя. 1700 г.», нижним чином увеличено жалованье, семейства убитых приняты на казенное содержание, попавшим же в плен переслано жалованье, а их семейства получили суммы в треть оклада{6}.

Гвардейские полки принимали участие почти во всех битвах Северной войны, не раз подтверждая свое мужество и стойкость. При осаде Нотебурга в 1702 г. 1 тыс. добровольцев из обоих полков переправилась на лодках через Нарву и взяла шанец, обеспечив успех штурма, в ходе которого добровольцы из этих полков первыми взобрали на стены{7}. При вторичной осаде Нарвы в 1704 г. преображенцы скрытно подошли к крепости со стороны предместья и вытеснили шведов из оврага в 100 саженьях от бастионов. Отсюда были начаты земляные работы, позволившие затем создать плацдарм для штурма. Во время приступа первыми через ров на бастион Гонор взобрали гренадеры Преображенского полка{8}. До Полтавской победы особое значение имели сражения при Добром и Лесной, где фактически всю тяжесть боя вынесли на себе гвардейские полки. 30 августа 1708 г. при Добром преображенцы и семеновцы при содействии армейской пехоты и кавалерии наголову разбили 5-тысячный шведский авангард генерала Росса, взяв его лагерь, пушки и знамена в трех верстах от главного шведского лагеря{9}. Петр I писал: «Как я начал служить, такого огня и порядочного действия наших солдат не слышал и не видал... и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал»{10}. Битва при Лесной 28 сентября 1708 г., прозванная «матерью Полтавской баталии», выиграна была также благодаря гвардейским полкам. Входившая в состав русского корволанта летучего отряда, кавалерия отстала, сражение начали преображенцы и семеновцы, а также Ингерманландский пехотный и Невский драгунский полки. Последние связали противника, а гвардия, ударив во фланг и «дав несколько залпов, тотчас неприятеля с места сбили, и сквозь лес гнали, и три пехотные знамя и полковника Штала, и генерала адъютанта Кроринга, и иных несколько офицеров взяли»; разгром довершила подоспевшая кавалерия{11}. В феврале 1709 г. два батальона Преображенского полка, атаковав шведов при Рашевке, захватили их кавалерийский резерв{12}.

И в заграничных походах гвардейцы не посрамили своих знамен. В 1713 г. Преображенскому, Семеновскому и армейскому Гренадерскому полкам пришлось брать Фридрихштадт в Голштинии, находившийся на острове среди болот и озер. Под огнем, продвигаясь по узким, перекопанным дамбам, солдаты преодолели рвы и ворвались в город{13}. Во время осады Штеттина преображенцы вместе с ингерманландцами без выстрелов со шпагами в руках овладели передовым укреплением, так что шведы даже не успели зажечь фитили мин. Взятие этого укрепления решило судьбу Штеттина{14}.

Первым русским гвардейцам приходилось драться в пешем и конном строю, на -95-

суше и на море. В 1707 г. их посадили (на манер драгун) на коней{15}. В первом победоносном морском сражении 1703 г. преображенцы и семеновцы на лодках взяли на абордаж шведские корабли «Гедан» и «Астрель». В 1720 г. гребная эскадра с гвардейскими полками на борту в сражении при Гренгаме разгромила шведскую эскадру, пленив четыре фрегата.

В последующих войнах XVIII в. участвовали лишь сводные гвардейские батальоны. Они успешно сражались в 1739 г. при Ставучанах и Хотине, в 1742 г. при Гамлатштадте, в 1788 г. при Очакове, Бендерах и Браилове, в 1789 г. при Фридрихсгаме и Свенкзуйде. При взятии Очакова в 1737 г. сборный гвардейский батальон первым вошел на гласис крепости. Под Хотинем три гвардейских батальона отбили атаку 13 тыс. янычар, а затем перешли в наступление и, поднявшись под огнем в гору, выбили противника из его лагеря{16}. Так уже в XVIII столетии русские гвардейцы стяжали славу непобедимых. Где бы они ни воевали, их действиям сопутствовали стойкость, мужество и боевой порыв. Эти успехи гвардии были обусловлены рядом факторов, в том числе особым составом ее частей. Действительно, их развитие шло постепенно, причем перевод армейских полков в гвардейские часто находился в прямой связи с их успешным участием в боевых действиях. В 1719 г. Петр I свел несколько драгунских подразделений в полк, названный Лейб-регентом. Он комплектовался из дворян и предназначался для подготовки офицеров в кавалерию, а содержался во всем «против полков гвардии»{17}. В 1721 г. нововведение было отменено, но в 1725 г. Кроншлотский драгунский полк переименовали опять в Лейб-регент на прежних основаниях. С 1730 г. он называется Конной гвардией и приравнивается к гвардейским полкам{18}. В том же году был сформирован гвардейский пехотный полк, офицеров которого определяли «из Лифляндцев, Эстляндцев и Курляндцев и прочих наций иноземцев и русских»{19}. Он получил название Измайловского. При Анне Ивановне был сформирован Лейб-кирасирский полк, который формально гвардейским не был, но формировался из дворян, причем императрица имела в нем чин полковника, как это делалось в гвардейских полках.

В дальнейшем почти до конца XVIII в., за исключением небольших команд кавалергардов и лейб-кампанцев, находившихся на правах гвардии и игравших роль личного конвоя монархов, периодически распускавшихся и вновь формирующихся, гвардейских частей не создавалось. В 1796 г. были сформированы лейб-гвардейский Егерский батальон (с 1806 г. полк) и лейб-гвардейский Гусарский казачий пол., в 1798 г. разделенный на гвардейские Гусарский и Казачий полки. В 1799 г. формируется лейб-гвардейский Кавалергардский эскадрон, через год развернутый в полк. Кроме того, Павел I создал лейб-гвардейский Артиллерийский батальон из гатчинских артиллеристов. Стремясь обеспечить лояльность гвардии, Павел разбавлял прежние полки и создавал новые части на основе гатчинских формирований. Отметим, что в известной мере это имело и положительное значение: в последние годы царствования Екатерины II гвардия крайне распустилась, у гатчинцев же соблюдалась строжайшая дисциплина, и они получали военную подготовку в специальной школе, посещение которой приравнивалось к несению службы{20}. В 1806 г. из удельных крестьян ближайших к Петербургу царских вотчин был сформирован батальон императорской милиции. За отличия в войне с Францией он был причислен к гвардии, в 1808 г. назван лейб-гвардейским Финляндским батальоном, в 1811 г. переформирован в полк. С 1805 г. формируется гвардейская конная артиллерия. Рост

численности гвардии потребовал более четкой ее организации, и в 1807 г. создаются гвардейские пехотная и кавалерийская дивизии с приданной им артиллерией. В 1809 г. сформированы лейб-гвардейские Уланский и Драгунский (с 1831 г. лейб-гвардейский Конно-гренадерский) полки, в 1810 г. Гвардейский морской экипаж, в 1811 г. пехотный лейб-гвардейский Литовский полк (с 1817 г. лейб-гвардейский Московский), в 1812 г. гвардейский Саперный батальон. К началу Отечественной войны в составе вооруженных сил России имелось гвардейских шесть пехотных и шесть кавалерийских полков, артиллеристы, саперы и моряки. Все они приняли активное участие в сражениях 1812 г. и заграничных походах 1813-1814 годов.

Первый опыт борьбы с наполеоновской армией русская гвардия получила еще в кампаниях 1805-1807 гг. на полях Европы. Войны тех лет не носили национального характера, а их цели были чужды солдатам антифранцузских коалиций. Велись они на чужой земле и за чуждые интересы. Отсюда частичная неустойчивость русской армии, усугубленная ошибками командования. Но и там гвардейцы проявили способность «положить живот свой за други своя». Действительно, их подвиги в сражениях 1805-1807 гг. преимущественно во спасение товарищей{21}.

В ходе Аустерлицкой битвы дер. Блазовиц была занята батальонами преображенцев и гвардейских егерей. Выбитые из подоженной деревни, они при отходе попали под удар французов и были обречены. Несмотря на сложную обстановку, Уланский полк ринулся в атаку. Отвлекая на себя французскую кавалерию, он дал возможность своей пехоте отойти, но сам понес крупные потери, ибо ему пришлось пробиваться через вражеские ряды. При отступлении главных сил шесть батальонов преображенцев и семеновцев и десять эскадронов гвардейской кавалерии оказались под ударом двух французских дивизий. Успешно отбив огнем атаки врага, они ударили в штыки и опрокинули его. В последнем усилии Наполеон бросил в бой мамелюков и свой личный конвой. Они атаковали русских гвардейцев во фланг и угрожали им разгромом{22}. Но тут на французов налетели лейб-казаки: проскакав 10 верст и даже не перестроившись для атаки, они бросились на выручку товарищей{23}. Натиск врага ослаб. В это время подоспел Кавалергардский полк. Раз за разом ходил он в атаку, прикрывая отходивших пехоту и легкую кавалерию, хотя сам понес огромные потери{24}. Самоотверженно действовала и гвардейская конная артиллерия. У одного из орудий лопнул отвод, прислуга была ранена; подпоручик Н.П. Демидов, сделав последний выстрел картечью, со шпагой в руке бросился защищать пушку. Свидетель события Наполеон приказал изобразить подвиг Демидова на картине, посвященной Аустерлицкому сражению{25}. При отступлении четыре орудия были захвачены мамелюками. Командир конно-артиллерийской роты В.Г. Костенцкий вдвоем с фейерверкером отбили два орудия; за этот подвиг фейерверкер Маслов первым в гвардейской артиллерии был награжден Знаком отличия Военного ордена св. Георгия{26}.

Грозный 1812 год дал многочисленные примеры патриотизма, воинского мастерства и мужества гвардии. В Бородинской битве французская дивизия генерала Дельзона внезапно атаковала егерей. «Атака неприятеля на с. Бородино произведена была с невероятной быстротою, но мужество лейб-гвардии Егерского полка... остановило стремление 7000 французов. Наикровопролитнейший бой возгорелся на сем месте, и сии храбрые егери в виду целой армии удерживали более часу неприятеля»; когда противник захватил мост, егеря вместе с матросами Гвардейского экипажа, подкрепленные армейцами, контратаковали и

уничтожили французский полк и сожгли мост{27}. Более в том месте атаки противника не возобновлялись. В рейде казаков атамана М.И. Платова и 1-го кавалерийского корпуса генерала Ф.П. Уварова, заставившем Наполеона отказаться от использования Старой гвардии, активное участие принимали гвардейские Казачий, Драгунский, Уланский и Гусарский полки. Когда французские кавалерийские корпуса атаковали позиции Измайловского и Литовского полков, чтобы проникнуть в тыл русской армии и отрезать войска, действовавшие на старой Смоленской дороге, трижды ходили они в атаку, но тщетно: измайловцы и литовцы, «будучи окруженные неприятелем, невзирая на сильный -97- огонь, на них устремленный, и понесенную ими потерю, пребыли в наилучшем устройстве и тем заслужили себе неувядаемую славу»{28}. Примечательны действия 2-го батальона литовцев: в 50 шагах от его каре протекал в овраге Семеновский ручей, и противник не имел достаточно расстояния, чтобы атаковать каре на должном аллюре. Командир батальона запретил стрелять и приказал размахивать штыками перед мордами копей, чтобы блеском стали напугать животных; когда же французские кирасиры отошли, чтобы подготовиться к новой атаке, литовцы кинулись в штыки и отбросили кирасир{29}. Тем временем саксонские кирасиры вышли в тыл гвардейских каре. Кирасирская дивизия И.М. Бороздина обрушилась на саксонцев (10 эскадронов против 30) и отбросила их за овраг. В этой схватке вахмистр Т. Рыбас один врубился в середину вражеского фронта и дрался там, раненный, пока не подоспели товарищи; вахмистр Ф. Корпев прикрыл собой в схватке командира; полковник Роде был спасен унтер-офицером В. Ивасенко и кирасиром Ф. Горбенко; рядовые Ф. Абрамов, Е. Карасюк и писарь И. Щербиновский отбили своего эскадронного начальника{30}. Когда пала центральная батарея и конный корпус врага атаковал русские позиции, Кавалергардский полк, поддержанный Конною гвардией, «прошед сквозь интервалы нашей пехоты, противу стали превосходной в числе неприятельской кавалерии, поостановили ее предприятие; потом, будучи подкреплены полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов, неоднократно атаками опрокинули, наконец, совершенно и гнали до самой пехоты»{31}. Немалую роль в битве сыграла гвардейская артиллерия. Корпус А. Жюно угрожал охватить русские укрепления с тыла. Тогда 1-я легкая батарея лейб-гвардейской конной артиллерии на рысях выехала вперед без пехотного прикрытия и с расстояния картечного выстрела открыла беглый огонь, уничтожая голову французской колонны. В батарейной роте графа Аракчеева из 12 орудий 11 были подбиты; тем не менее она дралась с утра до темноты. В конце боя ею командовал поручик Г. Карабьин, настолько изувеченный, что «все тело его покрылось одной общей опухолью и синими пятнами, так что сами медики не могли определить, сколько он получил контузий». Карабьин был последним артиллеристом, покинувшим поле боя 27 августа{32}.

И в других сражениях Отечественной войны гвардейцы показали себя мужественными воинами. 6 августа 1812 г. под Полоцком корпус П.К. Витгенштейна, прикрывавший пути на Петербург, стоял на грани поражения. В этот момент 1-й кирасирский дивизион атаковал противника и произвел панику в его тылу, затем напал на конно-егерскую бригаду и опрокинул ее. Попытка французских кирасир прийти на выручку была остановлена эскадронами лейб-кирасир, после чего определилось поражение противника. Именно благодаря мужеству и самоотверженности Сводного кирасирского полка было выиграно это сражение, остановившее продвижение французов на Петербург{33}. Во время отступления захватчиков от Москвы под Красным разгорелось трехдневное сражение, в котором были

истреблены арьергардные эшелоны маршалов М. Нея и Л. Даву. Здесь русская гвардия опять сыграла заметную роль. Критическое положение неприятеля побудило его на отчаянные меры, и он, «сформируюсь в густые колонны, хотел прорваться сквозь авангард генерал-майора барона Розена, но, встреченный лейб-гвардии Егерским и Финляндским полками, в подкрепление коих следовали по одному эскадрону лейб-Кирасирского его и ея величеств полков, был совершенно истреблен штыками»{34}. О следующем дне М.А. Милорадович писал: «Известный храбростию лейб-гвардии Уланский полк, отличившийся во всех делах, превзошел себя»{35}. -98-

17 августа 1813 г. у Ноллендорфа французы угрожали уничтожить русский арьергард и напасть в горных теснинах на маневрировавшие в походном порядке силы русской армии. Но Гусарский и Лейб-кирасирский полки самоотверженной контратакой отбросили наседавшего врага{35}. В сражении при Кульме, когда корпус А.И. Остермана-Толстого с трудом отбивался от вдвое сильнейших войск Д. Вандама, оставшиеся уже в половинном составе Уланский и Драгунский полки бросились на 2-тысячную колонну врага и наголову разбили ее. Остерман-Толстой писал: «Как тучи снеслись с гор полки лейб-гвардии Драгунский и Уланский, и страшный удар их отозвался между сильными неприятельскими колоннами: в мгновение мертвыми покрылось поле». Тем временем 1-я гвардейская пехотная дивизия успела занять удобные позиции, и исход, боя был решен в пользу русских. Остерман так отозвался о гвардейцах: «Нет ужасов, могущих поколебать храбрые гвардейские полки»{37}. Разыгравшаяся в октябре 1813 г. «битва народов» под Лейпцигом изобиловала не менее драматическими событиями. Саксонские кирасиры, стремясь прорвать линию русских войск, ворвались на позиции пешей гвардейской артиллерии, так что офицеры и прислуга отбивались холодным оружием и банниками. Проходившие мимо полки гвардейской легкой кавалерии выбили кирасир с позиций, но около 5 тыс. их вновь перешли в атаку и загнали русских кавалеристов в болото. Защищая свои орудия, пали все гвардейцы-артиллеристы. Неприятель стремился перейти пруды, прикрывавшие русский фланг, и довершить разгром. Но подошедшая конно-артиллерийская рота, прикрываясь гвардейским Черноморским дивизионом из царского конвоя, открыла беглый огонь; жертвуя собой, артиллеристы отослали в тыл передки и строевых лошадей и тем самым «сожгли мосты» за собой. Прискакавшие лейб-казаки переправились через плотину и врубались во фланг французам; тем временем перестроившаяся гвардейская легкая кавалерия напала на них с фронта. Завязалась отчаянная схватка. Казалось, чаша успеха уже клонилась на сторону противника, и Наполеон, заранее поздравив саксонского короля, приказал звонить в Лейпциге в колокола. Но, пока гвардейцы-кавалеристы, жертвуя собой, связывали врага, подошла гвардейская русская пехота и вырвала победу у Наполеона{38}.

В сражении 13 марта 1814 г. при Фер-Шампенуазе победа была одержана только силами гвардейских кавалерии и конной артиллерии, выступавших в качестве авангарда. Кавалергардский, Конный, Уланский и Лейб-кирасирский полки обрушились на корпуса Е.-А. Мортье и О.-Ф. Мармона, наголову разгромив их. В приказе по армии говорилось: «1-я кирасирская дивизия и полки лейб-гвардии Драгунский и Уланский... оправдали совершенно ту доверенность, которую каждый имеет к сему благоустроенному войску при первом на него взгляде. Они, истребив целые колонны пехоты, овладев значительным количеством артиллерии и разбив всю неприятельскую кавалерию, приобрели тем себе неоспоримое право на преимущественное присвоение победы, в сей день одержанной»{39}. Именно мужество и

стойкость, проявленные полками русской армии в годы Отечественной войны и заграничных походов, принесли некоторым из них право называться гвардейскими. В 1813 г. «молодую гвардию» составили Гренадерский, Павловский и Кирасирский ее в. полки, в 1814 г. Конно-Егерский (с 1831 г. Драгунский) полк.

При создании в 1817 г. армии Царства Польского из уроженцев польских и литовских губерний тоже была сформирована гвардия: Литовский, Волынский, Уланский, Подольский кирасирский, в 1824 г. Гродненский гусарский полки, причем гродненцы до 1831 г. находились в «молодой гвардии», а Подольский полк был слит с Кирасирским. То были чисто национальные польские формирования. В 1817 г. в Варшаве была создана гвардейская батареинная артиллерийская рота, в 1829 г. в состав вооруженных сил Великого княжества Финляндского вошел состоявший только из финнов Финский учебный батальон, переименованный в лейб-гвардейский Финский стрелковый батальон. -99-

Еще в 1819 г. появился гвардейский конно-пионерный (саперный) батальон. В 1829 г. права гвардии даются Атаманскому казачьему полку и формируется лейб-гвардейская Донская конно-артиллерийская рота. В 1831 г. причислены к гвардии (с 1894 г. стали гвардейскими) Кексгольмский и С.-Петербургский гренадерские полки. В 1856 г. назван гвардейским составленный из ополченцев и отличившийся в Крымскую войну Стрелковый императорской фамилии полк и сформированы 1-й и 2-й Царскосельские стрелковые батальоны. В том же году официально стал гвардейским знаменитый своими подвигами Лейб-Кирасирский ее имп. вел. полк. Кроме того, в состав гвардии входили созданная в 1827 г. для охраны Кремлевского (Москва) и Зимнего (Петербург) дворцов рота дворцовых гренадер, Собственный его имп. вел. конвой и 1-й Железнодорожный полк. Наконец, еще при Екатерине I к гвардии был причислен состоявший из уже неспособных к службе чинов лейб-гвардейский батальон (позднее Муромская команда). При Павле I из неспособных к строевой службе чинов гвардии формируется лейб-гвардейский гарнизонный батальон, из которого в 1873 г. был образован кадровый батальон лейб-гвардейского резервного пехотного полка. В 1830-1860-е годы существовали также национальные лейб-гвардейские Крымско-Татарский и Кавказско-Горский эскадроны. Вся эта отборная сила в 1833 г. была сведена в корпуса гвардейский пехотный и гвардейский резервный кавалерийский. В 1864 г. они были расформированы, а их дивизии и бригады вошли в армейские корпуса, но в 1874 г. был вновь создан Гвардейский корпус.

Гвардия была не только ударной частью вооруженных сил России. Уже говорилось о широком ее использовании Петром I в качестве «царева ока». Эта практика сохранилась и при его преемниках. В 1744 г. капитаны Семеновского полка Цызарев и Телепнев и прапорщик Соковнин наблюдали за производством переписи; капитан Пущин и подполковник Демидов были отправлены в Старо-Оскольск для производства следствия над воеводой; ряд нижних чинов полка занимался осмотром и ревизией провиантских магазинов, сбором недоимок с присутственных мест и пр.{40}. Использовалась гвардия также как школа передового воинского опыта и как своеобразное заведение для подготовки офицерских кадров. Еще при Петре I практиковался перевод гвардейских солдат целыми командами в армейские полки для их укрепления. В ту пору, когда рядовой состав гвардии был преимущественно дворянским, сержанты гвардии переводились в армию офицерами. Во время Семилетней войны армейские полки обращались прямо в гвардию, минуя Военную коллегию, с просьбой о

выделении им лучших унтер-офицеров для производства в офицеры. За два года только из Семеновского полка было переведено 140 человек, и к 1758 г. состав полка настолько истощился, что командир ходатайствовал о прекращении переводов{41}. В XIX в. из гвардейских полков продолжали откомандировывать в армию или переводить на время отличившихся солдат, унтер-офицеров и офицеров. При отсутствии тогда строевых уставов из Семеновского полка, считавшегося образцовым, как бы сделали практическую школу для будущих армейских офицеров{42}. К началу XX в. 23,6% командиров полков и 28,8% начальников дивизий были переведены из гвардии в армию вследствие преимущества в чине{43}. Лейб-гвардейский Саперный батальон рассматривался как школа унтер-офицеров для армейских саперных и пионерных полков{44}. Школой артиллерии при Павле I и Александре I служил лейб-гвардейский Артиллерийский батальон: на нем испытывались и в нем вырабатывались новшества в упряжи, приемах заряжания и стрельбы, технической части. Генерал-инспектор артиллерии и пехоты говорил: «У меня гвардейские артиллеристы, на что потребуются годы, сделают в один месяц»{45}. А в период преобразований -100- после Крымской войны в гвардейских полках испытывались новые методы хозяйственного управления{46}.

Высокие качества гвардии обеспечивались и тщательным подбором ее состава. В XVIII в. он был преимущественно дворянским. Правда, в 1701 г. было разрешено принимать в Бомбардирскую роту «людей всякого звания» по желанию{47}, но уже указом 7 мая 1721 г. требовалось при назначении нижних чинов в гвардию выбирать «только из шляхетства знатного», причем каждый гвардейский солдат зачислялся лично царем{48}. К 1724 г. в Семеновском полку недоросли из дворян составляли 48%, солдатские дети 18%{49}. Эта практика соблюдалась долго. Лейб-регімент велено было набирать «исключительно из дворянских детей»{50}. Лейб-кирасирский полк пополнялся «из людей шляхетского происхождения прочих полков гвардии и армии... и из вольноопределяющихся шляхетства»{51}. Елизавета по вступлении на престол подтвердила это правило: в 1742 г. велено было дворянских детей, числившихся в гарнизонах, «разобрать, и которые из них летами еще молоды, а собою взрачны, и хотя не великого роста, да пожиточны, выслать для определения в полки гвардии»{52}. Для сохранения дворянского состава гвардии было даже частично ограничено действие Указа о вольности дворянской 1762 г.: нижние чины из дворян, не выслужившие 12 лет, оставлены на службе{53}. При назначении в 1762 г. чинов Кавалергардии из бывших лейб-кампанцев туда зачислялись только потомственные дворяне{54}. Во все 34 года екатерининского царствования 97% унтер-офицеров и рядовых Кавалергардии были дворянами{55}.

При переводе из армейских полков в гвардию происходило понижение в чине{56}. Это правило опиралось на Табель о рангах, где устанавливалось старшинство гвардейских офицеров в два чина. Но и ранее гвардейцы имели преимущество в чинах. Еще после Азовских походов офицеры Бомбардирской роты получили перед офицерами полка старшинство в чин{57}. В 1706 г. последовал указ: «Полкоф Преображенскова и Семеновскова офицеры и солдаты иметь должныя градусом быть выше прочих полкоф»{58}. Созданная в 1813 г. «молодая гвардия» имела перед армией преимущество в чин. При Александре III она сливается со старой, и преимущество в чин распространяется на всю гвардию. Но были и исключения. Так, в Лейб-кампании царица Елизавета I имела чин капитана, фактический же

командир, капитан-поручик, имел чин полного генерала, поручики были генерал-майорами, адъютант-бригадиром, прапорщик полковником, вице-еержанты премьер майорами, подпрапорщик и квартирмейстер секунд майорами, капралы капитан поручиками, рядовые имели чины поручиков, подпоручиков и прапорщиков. Сформированная в 1762 г. Еавалергардия имела вахмистра в чине полковника, вице-вахмистра и капралов подполковников, рядовые были секунд-майорами, капитанами и поручиками. Со второй половины XVIII в. начинается пополнение гвардейских полков нижними чинами из рекрут, а число дворян-солдат сокращается. В Семеновском полку их в 1754 г. насчитывалось 1321, в 1762 г. 1052, в 1775 г. 593 в 1796 г. 205 человек {59} При Павле I поступление дворян в гвардию нижними чинами было крайне редким, да и то сразу унтер-офицерами или подпрапорщиками {60}. При переформировании Кавалергардии в Кавалергардский эскадрон все рядовые дворяне были выпущены в армейские полки обер-офицерами {61}. В XIX в. рядовой состав гвардии пополнялся почти исключительно переводом армейских солдат, причем постоянно подчеркивалась необходимость отбора нижних чинов «хорошего поведения и не бывших штрафованными», «самых исправных, хорошего поведения и видных унтер-офицеров и рядовых», а также кантонистов, «которые более других отличались хорошим поведением и обучением» {62}. Согласно Руководству для формирования гвардейских полков от 1811 г., их офицеры отбирали из армейских полков низших чинов, отличавшихся хорошей наружностью, поведением, ловкостью, знанием службы и прослуживших более 10 лет {63}. При доукомплектовании Сводного полка было приказано брать из армейских полков по 25 человек, из них не менее 10 кавалеров Знака отличия Военного ордена {64}. В Казачий полк набирались казаки, «отличнейшие в целом войске не только по наружному виду их, т. е. большого роста, стройные и крепкого телосложения, но искусные в верховой езде и ловко действующие оружием, притом лучшего поведения и сколь можно не нуждающиеся в домашнем быту» {65}. Нижние чины гвардии из рекрут были немногочисленны, причем отбирались рекруты «самые расторопные, молодые, видные и сколько можно грамоте знающие» {66}. При создании новых полков они комплектовались из старых гвардейских полков {67}.

Внимание обращалось и на телосложение гвардейцев. В лейб-эскадроне Казачьего полка в 1848 г. самый высокий казак был ростом 2,02 м, а ниже 182 см никого не было {68}. В Московском полку правофланговый солдат 1-й гренадерской роты был ростом 2,04 м {69}. В ставшую в XIX в. игрушкой августейших командиров гвардию отбирали людей даже по «масти»: брюнеты с бородками служили конногвардейцами, брюнеты с тонкими усиками в гатчинских кирасирах, голубоглазые блондины шли в семеновцы, рыжие в московцы {70}. Офицерский состав первоначально формировался исключительно из своих капралов и камер-юнкеров. Лишь изредка брали офицеров за заслуги, либо бывших волонтерами в иностранных армиях {71}. До 1729 г. производство гвардейских офицеров в следующий чин осуществлялось баллотировкою всеми офицерами полка {72}. Наметилось стремление повысить образовательный уровень гвардейцев. В 1721 г. при гвардейских полках были открыты солдатские и инженерные школы. Обучавшихся освобождали от караулов и нарядов и производили в чины мимо старших товарищей {73}. В 1808 г. было указано принимать прошения о поступлении в гвардейские офицеры лишь от молодых дворян, выдержавших предварительный экзамен в 1-м Кадетском корпусе, причем они принимались только кандидатами в офицеры. В 1823 г. была создана Школа гвардейских подпрапорщиков и

кавалерийских юнкеров{74}. При формировании Московского полка 26% офицеров поступили из Пажеского корпуса, 28% из 1го и 2го кадетских корпусов {75}. В конце XIX в. процент офицеров, окончивших военные училища, составлял в гвардейской пехоте 86,3%, в кавалерии 94,5%, в артиллерии 100%, в армейской пехоте только 18,9%{76}. -102- Уровень боевой подготовки и вооружения гвардейских частей был в целом выше, чем в армии. Особенно возрос он во второй половине XIX в., когда после Крымской войны при гвардейском корпусе были созданы учебные «фехтовально-гимнастические кадры» и разработана новая инструкция по проведению летних полевых занятий, по которой «сближалась служба войск с действительным их положением в военное время»{77}. При введении новых образцов оружия они в первую очередь поступали в гвардию. Так, в войну 1877-1878 гг. она была вооружена усовершенствованными винтовками Бердана №2, тогда как в армейских частях на вооружении состояли винтовки Бердана №1, Карле и Крнка{78}. Обращалось внимание и на материальное положение кандидатов в офицеры. При создании Гродненского гусарского полка в него назначали офицеров, «могущих содержать себя прилично гвардейской гусарской службе»{79}. Это связано с тем, что офицеры должны были не только полностью содержать себя, включая приобретение оружия; традиции и правительство требовали от гвардии особого блеска. Одним из указов предписывалось: «Помянутым гвардии нашей майорам для отмены и знатности своей иметь самых хороших лошадей каждому по три, которые в цене стоили бы не менее 100 червонных»{80}. Служба в гвардии была в финансовом отношении убыточной: нужно было иметь 4-6 лошадей, карету, переменяемую через 2-3 года, мундиры, из которых каждый стоил не менее 120 руб., квартиру, стол, прислугу, так что офицеры, «дабы не навлекать на себя презрение, принуждены были входить в неоплатные долги и оттого разоряться»{81}. Потому в гвардии служили преимущественно богатые люди. В 1776 г. в Семеновском полку 182 нижних чина имели в Петербурге собственные дома. До 1748 г. все унтер-офицеры держали своих лошадей и экипажи, и в 1758 г. последовало специальное запрещение унтер-офицерам и солдатам гвардии ездить в каретах. Порядки были таковы, что до 1762 г. на парадах и разводах ружья и алебарды за гвардейскими унтер-офицерами носили их слуги{82}.

В XIX в. число малоимущих гвардейских офицеров увеличилось, особенно в связи с массовым производством офицеров во время наполеоновских войн и переводом нескольких армейских полков в гвардию. В гвардейские офицеры попало много «бурбонов», как называли полуграмотных офицеров из бывших рекрут, производство которых совпало с реставрацией во Франции династии Бурбонов. В Павловском полку, за отличия переведенном в гвардию, их было особенно много, а жизнь их скудной. «Для младших офицеров квартир было очень немного; но зато в каждой из них помещалось помногу: в квартире для двух до шести человек, а для одного три и даже четыре ...Обед их большей частью состоял из пустых щей и каши; дорога была обмундировка, мундир же всегда надо было иметь новенький и все к нему принадлежности, а потому эта бедная молодежь, кроме службы, сидела большею частью дома для сбережения формы»{83}. После переформирования в 1820 г. Семеновского полка туда попало много бедных армейских офицеров, и Александр I подарил им на обмундировку крупную сумму. Гвардейская аристократия презирала нищую «армейщину», третировала ее и подвергала оскорблениям. В результате многие боевые, но бедные и незнатные офицеры уходили в армейские полки, а их места занимала аристократическая молодежь{84}.

Правительство в сословных и политических целях принимало меры для повышения уровня жизни гвардейского офицерства. До 1817 г. прапорщик гв. пехоты получал 285 руб. в год, подпоручик 334руб.; к 1839г. их оклады повысились до 850и 900руб. {85}, армейский же поручик, далее после многократного повышения -103- окладов, в конце XIX в. получал только 695 рублей {86}. Месячный бюджет офицера 1-й гвардейской кавдивизии в то время составлял более 200 руб. {87}; вследствие высоких вынужденных расходов на букеты полковым дамам и императрице, подарки выходящим в отставку товарищам, товарищеские ужины, обязанности брать самые дорогие кресла в театре, ездить не на извозчике, а на лихачах и пр. гвардейские офицеры, жалованья «не видели», так что для «постройки» формы они создали даже кооперативное Гвардейское экономическое общество {88}. Поскольку служить в гвардии, не имея личных доходов, было невозможно, основной костяк ее офицерства составляло богатое потомственное дворянство: на конец XIX в. в кавалерии его было 96,3%, в пехоте 90,5%, тогда как в армейской пехоте всего 39,6% {89}. В целях сохранения преобладания потомственного дворянства в 1902 г. было запрещено выпускать в гвардейские полки юнкеров недворянского происхождения, хотя бы и получивших высший выпускной балл и имевших право на выбор полка {90}. Строго контролировались браки гвардейских офицеров: женитьба на дочери купца, банкира, биржевика, пусть с многотысячным приданым, влекла за собой выход из полка.

Особое место в истории гвардейского офицерства занимала распространившаяся во второй половине XVIII в. практика записи дворянских отпрысков в гвардию еще в младенческом возрасте. Это было вызвано стремлением избежать службы в солдатах. Еще в 1744 г. Елизавета указала расписать дворянских недорослей, имевших поместья, по полкам гвардии с 12 лет, разрешив им за малолетством три года оставаться с родителями при условии обучения дома наукам и строю {91}. Мемуарист граф А.Ф. Ланжерон писал, что вельможи или лица, пользующиеся протекцией, нигде почти не служили в обер-офицерских чинах: уже в день рождения их записывали сержантами в гвардию; в 15-16 лет они офицеры, а живут дома; если же находятся в Петербурге, то едва занимаются службой; наконец, «дослужившись» до капитанов, выходят в отставку бригадирами или в армию полковниками {92}. Гвардейские полки имели от 3 до 4 тыс. сверхкомплектных сержантов, которые никогда не служили. Правительство, понимавшее порочность такой практики, не предпринимало решительных мер. Екатерина II лишь приказала считать старшинство не с пожалования чином, а с вступления в действительную службу {93}. Только с приходом к власти Павла I все сверхкомплектные гвардейцы, не бывшие в наличии, были выписаны из полков, а офицерам приказано постоянно находиться при полках, ежедневно являясь на учения и разводы.

Боевые действия русской гвардии в наполеоновских войнах, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813-1814 гг. явились кульминацией ее военной истории, хотя и позже гвардейцы отважно выполняли воинский долг, не раз отличаясь на полях сражений. Достаточно сказать о русско-турецкой войне 1828-1829 гг., где при взятии Варны особенно отличился лейб-гвардейский Саперный батальон, обеспечивший разрушение укреплений противника. За отличные действия батальону было дано право первым войти в поверженную крепость с музыкой и развернутыми знаменами; гвардейские саперы получили Георгиевское знамя и 78 Знаков отличия Военного ордена св. Георгия. При взятии Варны совершил подвиг

унтер-офицер батальона А. Шейдсванд: когда случайно погасли фитили мин, он бросился в подкоп и, жертвуя собой, взорвал мины{94}.

Гвардейцы обладали многими привилегиями. Но была у них и моральная обязанность везде и всегда быть первыми, неизменно храбрыми и стойкими. Слабость им не прощалась. В русско-турецкую войну 1828-1829 гг. вследствие трусости и нераспорядительности командования попал в тяжелое положение Егерский полк. -104-

Прикрывая отступление рекогносцировочного отряда, он наткнулся в лесу на части турецкой армии. Полк почти весь был уничтожен противником. Видя неминуемую гибель, капитан 2-го батальона Кромин, поручики Сабашш и Сванги разорвали батальонное знамя на части и спрятали на себе. Кромин и Сванги вскоре погибли, а Сабанин был ранен и взят в плен. Тем не менее он сумел сохранить обрывок знамени{95}. Егеря же, покрывшие себя позором, подверглись всеобщему презрению. Один из офицеров, А. Степанов, вспоминал: «В тот же день меня послали на позицию, чтобы принести людям порцию. Когда я проходил мимо расположения Павловского полка, ни один солдат не встал перед мною, ни один не снял шапки; офицеры отворачивались. Когда я стал требовать порцию, не хотели отпускать, и надо было докладывать генералу Бистрому, который сжалился и приказал выдать водку бывшим его егерям, на которых все с презрением смотрели. Невыносимо было тяжело»{96}. Вновь сформированный полк, на котором, однако, лежала тень, смывал позор кровью, после чего заслужил новое знамя{97}.

В русско-турецкой войне 1877-1878 гг. первые штурмы Плевны были, как известно, неудачными, и русской армии пришлось перейти к планомерной осаде крепости. Для полной ее блокады необходимо было взять Горный Дубняк, Телиш и Дольний Дубняк, прикрывавшие шоссе. Эта задача легла на гвардейский корпус{98}. 2-я гвардейская дивизия, стрелковая бригада и Саперный батальон атаковали Горный Дубняк, в то время как 1-я дивизия и гвардейская кавалерия прикрывали атаку со стороны Плевны. 30 человек Финляндского полка сумели ворваться на малый редут и удерживали его до подхода подкреплений. Затем роты Стрелкового полка броском заняли турецкие ложементы перед рвом, прикрывавшим большой редут, а с наступлением сумерек в штыковой схватке захватили укрепление{99}. В декабре 1877 г. гвардейские егеря сменили на Шиндаринской горной позиции Измайловский полк, прикрывая проходы через горы. За две недели полк потерял 551 человека. Обстановка была невероятно тяжелой. Главнокомандующий сообщал: «Гвардейские войска от стоянки и работы в Высоких Балканах и при походе через них остались в эту минуту равно офицеры и нижние чины без сапог уже давно, а теперь окончательно и без шаровар. Мундиры и шинели одни лохмотья и то без ворса, на них одна клетчатка. У большинства белья нет, а у кого осталось, то в клочках и истлевшее»{100}. Несмотря на это, гвардейцы упорно преодолевали горы, которые зимою считались абсолютно неприступными.

В истории русской гвардии имеются, конечно, и иные страницы. Гвардейцы принимали участие в дворцовых переворотах. Царизм превратил гвардию в оплот политической реакции. Однако и в ее рядах появлялись революционеры. Первые среди них в массовом числе это солдаты и офицеры Московского и Гренадерского полков и Гвардейского морского экипажа, участвовавшие в восстании декабристов. Все это, однако, уже другие темы, требующие специального рассмотрения. -105-

Примечания:

- {1} Бобровский П.О. История лейб-гвардейского Преображенского полка. Т. II. СПб. 1907, с. 99.
- {2} Дирин П.Н. История лейб-гвардейского Семеновского полка. Т. I. СПб. 1883, с. 46; Штейнгель В.В. Императорская Российская гвардия. 1700-1878 гг. СПб. 1878, с. 22.
- {3} Бобровский П.О. Ук. соч., с. 33.
- {4} Там же, с. 195-211.
- {5} Дирин П.Н. Ук. соч., с. 162.
- {6} Бобровский П.О. Ук. соч., с. 16-19.
- {7} Там же, с. 49.
- {8} Там же, с. 68-70.
- {9} Там же, с. 129.
- {10} Цит. по: Дирин П.Н. Ук. соч., с. 98.
- {11} Хрестоматия по русской военной истории. М. 1947, с. 136.
- {12} Бобровский П.О. Ук. соч., с. 131.
- {13} Там же, с. 186.
- {14} Там же, с. 187.
- {15} Там же, с. 110-112, 117.
- {16} Дирин П.Н. Ук. соч., с. 237.
- {17} ПСЗ. Т. 5, № 3370.
- {18} Штейнгель В. В. Ук. соч., с. 42.
- {19} ПСЗ. Т. 8, №5623.
- {20} История лейб-гвардии Егерского полка. СПб. 1896, с. 8-9.
- {21} Потоцкий П.П. История гвардейской артиллерии. СПб. 1896, с. 80, 81.
- {22} Дирин П.Н. Ук. соч., с. 386.
- {23} История лейб-гвардейского Казачьего полка. СПб. 1876, с. 78-79.
- {24} Панчулидзе С. А. История кавалергардов. Т. III. СПб. 1899, с. 68-72.
- {25} Потоцкий П. П. Ук. соч., с. 87.
- {26} Там же, с. 88.
- {27} Отечественная война 1812 г. Материалы военно-ученого архива. Т. XVI. СПб. 1911, с. 111.
- {28} Там же, с. 116.
- {29} Маркграфский А. Н. История лейб-гвардейского Литовского полка. Варшава. 1887, с. 25-26.

- {30} Марков М.И. История лейб-гвардейского Кирасирского ее величества полка. СПб. 1884, с. 220-229.
- {31} Отечественная война 1812 г. Т. XVI. СПб. 1911, с. 118.
- {32} Там же, с. 182.
- {33} Панчулидзе С. А. Ук. соч., с. 257; Марков М.И. Ук. соч., с. 217.
- {34} Отечественная война 1812 г. Т. XV. СПб. 1911, с. 66.
- {35} Дубасов П. В. История лейб гвардейского Конногренадерского полка. Т. II. СПб. 1903, с. 220.
- {36} Марков М.И. Ук.соч., с. 297.
- {37} Крайванова И.Я. Генерал А.И Остерман-Толстой. М. 1972, с. 47.
- {38} Потоцкий П.П. Ук. соч., с. 268-273.
- {39} Цит. по: Дубасов И.В. Ук. соч., с. 283-284.
- {40} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 247-248.
- {41} Там же, с. 245.
- {42} Там же. Т. II, с. 4.
- {43} Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетии. М. 1973, с. 179, 181, 190.
- {44} Габаев Г.С. Сто лет службы гвардейских сапер. СПб. 1912, с. 2.
- {45} Потоцкий П.П. Ук. соч., с. 60.
- {46} Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России М. 1952, с. 48.
- {47} Штейн гель В. Б. Ук. соч., с. 60.
- {48} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 158.
- {49} Там же, с. 157.
- {50} ПСЗ. Т.5, №3370.
- {51} ПСЗ. Т.8, №5883.
- {52} Дирин П. Н. Ук. соч. Т. I, с. 243.
- {53} Панчулидзе С.А. Ук. соч. Т. II, с. 57.
- {54} Там же.
- {55} Там же.
- {56} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 159.
- {57} Бобровский П.О. Ук. соч., с. 99.
- {58} Цит. по: Штейнгель В.В. Ук. соч., с. 116, 118.
- {59} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 281.

- {60} Там же, с. 320.
- {61} Штейнгель В. В. Ук. соч., с. 120.
- {62} Елец Ю.Л. История лейб-гвардейского Гродненского гусарского полка. Т. I. СПб. 1898, с. 20; Габаев Г.С. Ук. соч., с. 3-4.
- {63} Маркграфский А.Н. Ук. соч., с. б; Второе ПСЗ. Т. XVII, № 16192.
- {64} Пестриков П.С. История лейб-гвардейского Московского полка. Т. I. СПб. 1903, с. 88.
- {65} Второе ПСЗ. Т. X, № 8163.
- {66} Габаев Г.С. Ук. соч., с. 3-4.
- {67} Пестриков Н.С. Ук. соч., с. 4; История лейб-гвардейского Егерского полка, с. 11.
- {68} История лейб-гвардейского Казачьего полка, с. 442.
- {69} Пестриков Н.С. Ук. соч., с. 15.
- {70} Игнатъев Л.Л. 50 лет в строю. Т. 1. М. 1959, с. 109, 414.
- {71} Дирин П.И. Ук. соч. Т. I, с. 244.
- {72} Там же, с. 246.
- {73} Там же, с. 164.
- {74} Там же. Т. II, с. 4.
- {75} Пестриков П.С. Ук. соч., с. 4.
- {76} Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий, с.170.
- {77} Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России, с. 182-183.
- {78} Там же, с. 342.
- {79} Цит. по: Елец Ю.Л. Ук. соч. Т. I, с. 20.
- {80} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 270.
- {81} Цит. по: Панчулидзе С.А. Ук. соч. Т. II, с. 215.
- {82} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 271-272.
- {83} Воронов П.Н., Бутовский В.Д. История лейб-гвардейского Павловского полка. СПб. 1875, с. 271.
- {84} Там же, с. 269-270.
- {85} Пестриков Н.С. Ук. соч. Т. I, с. 198; т. II, с. 186.
- {86} Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий, с. 225.
- {87} Там же, с. 227.
- {88} Игнатъев А.А. Ук. соч. Т.1, с. 81, 112.
- {89} Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий, с. 203.
- {90} Там же.

- {91} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 243. {92} Русская старина, 1895, №№ 3-5.
- {93} Дирин П.Н. Ук. соч. Т. I, с. 286.
- {94} Габаев Г.С. Ук. соч., с. 38.
- {95} История лейб-гвардейского Егерского полка, с. 209-214.
- {96} Там же, с. 217. {97} Там же, с. 218.
- {98} Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М. 1977, с. 148-149.
- {99} Богданович Е.В. Стрелки императорской фамилии. СПб. 1899, с. 101-104.
- {100} Русско-турецкая война 1877-1878 гг., с 160.